

«Я думала, как бы спасти его»

Соб. Бессоруссий. — Минск. — 1991. — 31 авг.

Предлагаем вниманию читателей с небольшими сокращениями статью американской журналистки Фелисити БАРРИН-ДЖЕР, опубликованную в «Нью-Йорк таймс».

Предполагалось, что приключения Булата Окуджавы в Америке закончатся благополучно. В течение целого месяца газетные публикации от Лос-Анджелеса до Москвы неизменно крутились вокруг сообщений: «Во время поездки в Лос-Анджелес у советского барда установили смертельно опасное заболевание сердца. Требуется срочная операция. Почитатели откликнулись и шлют деньги. Операция прошла успешно».

Но тут появляется фининспектор.

Сейчас Окуджавы, 67-летний советский поэт, писатель и певец, чьи романтические произведения завоевали сердца двух поколений советских людей, находится в Лос-Анджелесе с долгом в 56 тысяч за операцию и послеоперационное лечение.

Друзья и почитатели перечисляли для помощи Окуджаве 21 тысячу долларов на счета двух эмигрантских газет, но пока неясно, смогут ли Окуджавы и его жена Ольга, которая путешествует вместе с ним, собрать недостающие 35 тысяч.

История барда и его счета отражают приятно-грустное столкновение двух различных культур. В Советском Союзе

медицина бесплатна, но не пользуется авторитетом, и американскую медицину воспринимают как волшебство, а врачей — как магов. То, что такое медицинское обслуживание стоит денег, понимают нечасто и далеко не все.

Мишель Гарко, вице-президент по финансовым вопросам медицинского центра св. Винсента в Лос-Анджелесе, где проводилась операция, о популярности Окуджавы, как и большинства американцев, не подозревал. В недавних телефонных интервью г-н Гарко подверг сомнению возможность получить известность без достаточных средств.

Однако немецкое издательство «Бартельсман» по просьбе Льва Копелева, советского писателя, эмигрировавшего в Мюнхен, через американского представителя направило больнице 50 тысяч долларов.

Поскольку счет г-на Окуджавы оплачивали частные лица, больница взяла с него по наивысшим расценкам в соответствии с обычной практикой для «частных лиц». Счет возрос еще на 6 тысяч долларов...

В результате первого всплеска благотворительности в фонд

Окуджавы, открытый русскоязычными газетами в Нью-Йорке и Чикаго, поступила 21 тысяча долларов. Но разницу между этой суммой и суммой счета писатель все же должен.

«Думаю, что поток помощи был большим, — говорит г-н Гарко, — так почему бы вновь не обратиться к этому источнику, чтобы оплатить долги?»

Для гордого человека грузинского происхождения, каким является Окуджавы, просить деньги значительно больнее, чем переносить физическую боль, которая привела его на хирургический стол. «Я в ужасном состоянии, — заявил он на прошлой неделе в телефонном интервью из дома своих друзей, у которых живет после выписки из больницы. — Я независимый человек, был им всегда. Сейчас я завишу от всех и каждого. В своей жизни я не раз переживал крайнюю нужду, но никогда не просил в долг».

Директор русской школы в Университете Норуич в Вермонте Рошель Ротшильд говорит: «Отношение советских людей к деньгам сильно отличается от нашего. Мы о них постоянно думаем, а им это совершенно ни к чему...»

Юрий Бизи, советский эмигрант, работающий в больнице св. Винсента, не взял гонорара за свой диагноз. Более то-

го, по словам Александра Половца, редактора выходящей в Лос-Анджелесе эмигрантской газеты «Панорама», врач внес вклад в созданный газетой фонд Окуджавы. В то же время кардиохирург, делавший операцию, потребовал свой гонорар полностью.

Понимая, что деньги станут проблемой, г-н Гарко поднял вопрос о переводе г-на Окуджавы в городскую больницу Лос-Анджелеса. Но г-жа Окуджавы отказалась, заявив, что перевозка опасна для здоровья ее мужа.

Г-да Копелев и Окуджавы подписали долговое обязательство, предусматривающее выплату долга, но в недавнем телефонном интервью г-н Копелев заявил: «В моем столе нет 50 тысяч», — добавив при этом, что легче просить деньги на спасение кого-то от смерти, чем от долгов.

Говоря о 50 тысячах, г-н Гарко заявил: «Я решил, что издательство передает их безвозмездно, а не в долг».

Поэтому, получив предложение оплатить счета от дирижера Мстислава Ростроповича и от других, Гарко отказался, считая, что в этом нет нужды. Он, однако, записал их адреса на случай дополнительных расходов.

И вот возникают еще 6 тысяч. Г-н Гарко сказал, что те-

перь семейство Окуджавы и г-н Половец должны искать деньги. Г-н Гарко, уставший уже от нападков газет, которые называли его чуть ли не злодеем, продолжает настаивать, чтобы к г-ну Окуджаве «относились совершенно так же, как к любому другому частному пациенту». «Это в конце концов бизнес», — говорит он.

Г-н Половец, живущий здесь уже около пятнадцати лет, говорит: «Как могу я осуждать г-на Гарко? Его должность предусматривает, что он должен требовать деньги. Это его работа. Они, конечно, потребовали немного больше, но ведь в этом основа американской медицины. Именно поэтому она так хороша...»

Г-жа Окуджавы дала понять, что о возвращении в Советский Союз, имея неоплаченный долг, и говорить не приходится. «Самая большая моя ошибка в том, что я сама решила не отправлять его в другую больницу».

Поскольку и она, и ее муж чувствуют себя вполне удобно у доктора Бизи, она говорит: «Я положила Булата в самую дорогую больницу, потому что в тот момент не думала о правах, морали и деньгах. Я думала, как бы спасти его».

(«Нью-Йорк таймс» — ИАН).

31.08.91

Окуджавы в А.Б.